

АССОЦИАТИВНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ: КОММУНИКАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ КЛАССЫ

А.М. Галиева, Р.Р. Замалетдинов

Академия наук Республики Татарстан, 420111, Казань, ул. Баумана, 20
Казанский федеральный университет, 420021, Казань, ул. Татарстан, 2

Ассоциативная множественность – коммуникативный и грамматический механизм для обозначения открытых классов, включающих эксплицитно выражаемого прототипического (фокусного) представителя и подразумеваемых, но не называемых членов. Референты ассоциативной множественности образуют множество, состоящее из членов, имеющих концептуальную или смежную общность. Неэксплицированные референты «прочитываются» из контекста с разной степенью обобщения и идентифицируются с опорой на фонд знаний о мире, имеющийся у коммуникантов.

Феномен ассоциативной множественности хорошо представлен в типологических исследованиях, тем не менее он недостаточно хорошо исследован на материале конкретных языков. Обычно в литературе отмечается, что ассоциативная множественность функционирует на двух типах языковых единиц: личных именах и терминах родства.

В татарском языке прототипические проявления данного феномена хорошо вписываются в предложенную типологами канву, однако эмпирические данные, в том числе и корпусные, свидетельствуют о том, что ассоциативная множественность не ограничивается названными выше классами и проявляется на значительно более широком лексическом материале; в статье особое внимание уделяется топонимам и соматизмам.

В статье также особо акцентируется значимость коммуникативных факторов при употреблении словоформ с ассоциативной множественностью. Важным ограничением для таких форм являются условия коммуникации – неофициальная устная речь при сопоставимом статусе и личном знакомстве коммуникантов, наличие общего фонда знаний, который позволяет правильно декодировать неэксплицитно выраженных референтов.

Мы приходим к выводу о том, что разные формы множественного числа в татарском языке не имеют чётких границ, и во многих случаях контекст не позволяет однозначно заключить, какая это множественность – аддитивная, ассоциативная или экспрессивная. В исследовании семантический и контекстуальный анализ дополнен методологией корпусных исследований с представлением количественных данных.

Ключевые слова: ассоциативная множественность, аддитивная множественность, татарский язык, термины родства, личные имена, топонимы, соматизмы.

В настоящее время наблюдается всплеск исследований частных языков, во многом мотивированный достижениями современной типологии. Ассоциативная множественность присуща многим языкам мира и может иметь различные маркеры для своего

выражения. В типологической перспективе явление ассоциативной множественности изучено достаточно хорошо [3, 8, 9], но ряд обобщений, сделанных типологами, требует верификации и более детального исследования на данных конкретных языков.

Тюркские языки, в том числе и татарский язык, относятся к языкам, в которых ассоциативная множественность выражается не при помощи специального маркера, а показателем стандартной аддитивной множественности [5, 7]; таким образом, в тюркских языках ассоциативная множественность представляет собой особый случай множественного числа, когда часть референтов получает неэксплицитное выражение. Например, когда *X* является личным именем, форма *X-PL* может быть интерпретирована как ‘*X* и люди, с ним <каким-то образом> ассоциируемые’, при этом неэксплицитные референты не являются *X*.

Подробный обзор терминологии, применявшейся для анализа феномена ассоциативности, дан в диссертации М.А. Даниэля [3]. Отметим лишь, что в российском востоковедении часто используется термин «репрезентативная множественность» в, например, [2, 4]; в настоящее время лингвисты предпочитают термин “ассоциативная множественность”, который используется в электронном Атласе языковых структур мира [9].

В диссертации М.А. Даниэля [3] предлагается дифференцировать понятия «репрезентативная множественность» и «ассоциативная множественность»: первый термин предлагается использовать «для любого обозначения множества объектов, при котором называется только один из них», а второй – «для такого варианта репрезентативной множественности, при котором названный и неназванные объекты, обозначаемые формой репрезентативной множественности, образуют более или менее тесную совокупность» [3, с. 9]. В этом случае ассоциативная множественность предстаёт как частный случай репрезентативной множественности. Как показывает наш материал, достаточно часто эти две разновидности трудно ограничивать, поэтому в данной работе мы будем использовать лишь термин «ассоциативная множественность».

Ассоциативная множественность в татарском языке – явление коммуникативного плана, которое относительно нечасто фиксируется в письменных текстах, что приводит к тому, что явление плохо представлено в корпусах (и в большинстве случаев с трудом поддается однозначной интерпретации на корпусных данных), поэтому основная масса примеров, приведённых в данной статье, – наблюдения за живой разговорной речью. Представлены также отдельные примеры из корпусов татарского языка, подтверждающие наблюдения и выводы авторов.

1. Ассоциативная множественность при обозначении лиц

В татарском языке в качестве лексической базы для ассоциативной множественности часто используется два лексических класса существительных – термины родства и личные имена. Рассмотрим их более детально.

1.1. Термины родства

В качестве лексической составляющей референции при ассоциативной множественности, видимо, могут быть использованы любые слова, называющее родственников (по родству или свойству): *эниләр* (мама–PL), *этиләр* (папа–PL), *эбиләр* (бабушка–PL), *абайлар* (дедушка–PL), *апалар* (сестра/тетя–PL), *жизниләр* (зять/муж старшей родственницы–PL), *жиңгиләр* (жена старшего брата/родственника –PL) и т.п. В контекстах с номинациями лиц неэксплицитная составляющая референции обычно обозначает неназванную вторую половину семейной пары и, факультативно, их детей.

То есть фраза (1) может иметь два варианта интерпретации – с детьми и без детей:

(1) **Апалар** килде.

сестра/тетя–PL прийти–PST_DF

1. Приехали сестра/тетя и её муж.

2. Приехали сестра/тетя, её муж и их дети.

Возникает вопрос – обозначение кого из родственников (семейная пара и, возможно, их дети) будет выражаться эксплицитно, а кого имплицитно? Ответ на данный вопрос обусловлен прагматикой: чаще всего эксплицитно обозначается кровный родственник, то есть говорящий будет скорее называть свою дочь, нежели её мужа; свою сестру, нежели её мужа и т.д. То есть выбор «коммуникативной доминанты сообщения» [3, с. 23] будет определяться близостью говорящих. Но фразы, где используется название родственника по свойству (как, например, (2)) вполне допустимы и определяются общей канвой коммуникации:

(2) Кичэ **кияүләр** кайтты.

Вчера зять–PL вернуться–PST_DF

Вчера приехал зять и люди, с ним ассоциируемые.

Пример (2) предполагает описание ситуации, где зять более значим, чем дочь (например, родственники прибыли для участия в сенокосе, строительстве и т.п.), или ситуации, когда дочь не придет. Неэксплицитная составляющая референции при ассоциативной близости не замыкается только на членах одной семьи, в прин-

ципе это может быть любой человек/люди при условии, что у адресата речи достаточно фоновых знаний, чтобы правильно декодировать сообщение говорящего (для примера (2) это может быть случай, когда адресат знает, что зять часто приезжает в деревню к родителям супруги на рыбалку с другом).

Как уже отмечалось, в татарском языке для обозначения ассоциативной множественности используется стандартный маркер аддитивной множественности – аффикс -лар/ -ләр. Поэтому письменные примеры, приведённые выше, могут быть интерпретированы и в аддитивном ключе. Тем не менее, ассоциативная множественность при обозначении лиц имеет свою специфику – акцентуацию: если при аддитивной множественности ударение переносится на аффикс (*бaбайлар* ‘деды, дедушки’), то при ассоциативной множественности ударение сохраняется на основе (*бабAйлар* ‘дедушка и бабушка’). Данное замечание относится лишь к словоформам, не имеющим аффикс принадлежности.

1.2. Личные имена

Второй характерный случай использования ассоциативной множественности связан с личными именами (3):

(3) **Гөлнаралар** Сочига баралар.

Гульнара–PL Сочи–DIR ехать–PRES, PL

Гульнара и её близкие едут в Сочи.

Нет никаких языковых причин для выбора того, чьё имя использовать в качестве лексической составляющей референции, выбор этого осуществляется говорящим и определяется фондом знаний о внешнем мире коммуникантов, ситуацией общения. Так, скорее всего мужчина обозначит мужчину – своего друга или приятеля, женщина – другую женщину, ребёнок обозначит другого ребенка – своего ровесника (даже если этот второй ребёнок является младшим в семье). При этом в качестве не выраженных эксплицитно референтов окажутся супруга, супруг, родители детей и т.п. соответственно. В качестве эксплицитного референта говорящий обычно выбирает того, кто ближе ему по статусу, возрасту, интересам и т.п.

Употребление формы ассоциативной множественности в контексте коммуникации связано с эксплицированием более важного референта в ущерб менее важному (не вообще, а только в контексте данного сообщения). Как отмечает М.А. Даниэль, референциальная неоднородность формы репрезентативной множественности от-

ражает коммуникативно релевантную неоднородность обозначаемой совокупности; при этом эксплицированный референт соответствует коммуникативной доминанте совокупности [3, с. 23].

Референция при личных именах чаще всего предполагает отсылку к членам одной семьи, но это вовсе не обязательно, могут иметься в виду самые разные связи между людьми, известные обоим собеседникам: близкие друзья (подруги), юноша с девушкой, сослуживцы, одноклассники и т.п. – любые совокупности, которые в сознании говорящих могут быть идентифицированы по одному, прототипическому с точки зрения говорящего, представителю, который репрезентирует всю совокупность.

Так, в корпусной коллекции [6] можно найти атрибутивные словосочетания типа:

(4) **Гөлжиһаннар** классы

Гульджихан–PL класс–POSS_3

Класс, где учится Гульджихан и другие ученики.

(5) **Тукайлар** буыны

Тукай–PL поколение–POSS_3

Поколение, к которому относится Тукай и его современники.

Обычно лексический референт не имеет предшествующих характеризующих определений, скорее определения являются идентифицирующими (например, (6) при наличии нескольких Закиров, известных коммуникантам):

(6) **Күрше Закирлар**

Сосед Закир–PL

Сосед Закир и его семья.

Ассоциативная множественность предполагает примерно одинаковый или хотя бы сопоставимый статус эксплицитного и неэксплицитного референтов, образующих класс, а также сопоставимый статус говорящего и эксплицитного референта – обычно личное и довольно близкое знакомство. Поэтому фразы типа (7) воспринимаются как неприемлемые:

(7) ***Петрлар** Петербургни салган.

Петр–PL Петербург–ACC строить–PST_INDF

Пётр и его люди построили Петербург.

То, что говорящий должен называть эксплицированного референта по имени, свидетельствует о том, что ассоциативная множественность используется только по отношению к лицам, с которыми у коммуникантов (говорящего и адресата) имеется близкое знакомство.

Форма с личными именами и терминами родства в речи часто совмещается и используются конструкции типа:

- (8) *Галия апалар* ('тетя Галия и её близкие'),
 (9) *Закир абыйлар* ('дядя Закир и его близкие'),
 (10) *Соруру абиләр* 'бабушка Соруру и её близкие'.

Кроме того, следует помнить, что термины родства, указывающие на возраст, в татарском языке используются при обозначении неродственников соответствующего возраста (обычно более старшего, чем говорящий), поэтому примеры (8–10) могут быть интерпретированы в более широком ключе, как 'тетя Галия и люди, с ней ассоциируемые', 'дядя Закир и люди, с ним ассоциируемые', 'бабушка Соруру и люди, с ней ассоциируемые'. При этом неэксплицированные компоненты «прочитываются» из контекста с разной степенью обобщения и опираются на фонд знаний говорящих о мире.

2. Ассоциативная множественность у других классов существительных

В литературе образование форм ассоциативной множественности у других групп лексики описано в недостаточном объёме. Это можно объяснить влиянием двух взаимосвязанных факторов:

1. Ассоциативная множественность у личных имен – явление чрезвычайно приметное, явным образом отличающееся от стандартной аддитивной множественности, так как маркер множественности присоединяется к заведомо уникальным объектам. Присоединение аффикса множественного числа к словам, называющим уникальных для человека родственников – мать и отца – также выпадают из европейского стандарта и привлекают внимание исследователей. Кроме того, ассоциативная множественность у этих групп лексики имеет особый маркер – нестандартную акцентуацию.

2. У других групп лексики, например, неодушевлённых существительных, ассоциативная множественность с трудом разграничивается от стандартной аддитивной, в этом случае речь может идти лишь о возможности ассоциативной интерпретации некоторой формы с маркером множественности. Здесь очень большую роль играет контекст.

На самом деле, видимо, ассоциативную интерпретацию могут получить (и в действительности получают) очень многие, если не все существительные с конкретным значением и многие имена собственные. Рассмотрим примеры (11) и (12):

- (11) **Песиләрең** ашарга сорый.
 Кошка–PL,POSS_2SG есть–INF
 просить–PRES

Твои кошки хотят есть.
 (12) **Дәфтәрләренне** өстәлдән алып куй.
 Тетрадь–PL,POSS_2SG, ACC стол–ABL
 брать–CONV положить–IMP_2SG

Убери со стола свои тетради.
 В зависимости от фоновых знаний коммуникантов, фраза (11) может иметь значение 'Покорми своих домашних любимцев – кошку, ёжика и черепаху', а фраза (12) 'Убери всё, что лежит на столе – тетради, дневник, ручку и карандаш'.

В татарской разговорной речи, впрочем, как и в русской, фраза (13) имеет значение не только 'Помой чашки', но и 'Помой всю чайную посуду – чашки, блюдца, ложки, а также протри стол', при этом эксплицитно обозначаются только самые важные для чаепития референты – чашки.

- (13) **Чынаякларны** юьп куй.
 Чашка–PL, ACC мыть–CONV
 положить–IMP_2SG
 Помой чашки.

В данном исследовании ограничимся группами слов, которые обозначают заведомо уникальные референты – то есть случаи, когда аддитивные интерпретации форм с аффиксом множественного числа неприменимы:

- 1) топонимы;
- 2) названия частей тела, которые у человека имеются в одном экземпляре (голова, рот, сердце и т.п.) в сочетании с аффиксом принадлежности 1-му лицу единственного числа.

2.1. Референты – топонимы

Формы со значением ассоциативной множественности также могут быть образованы на базе топонимов. Но, как показывает эмпирический материал, в данном случае имя собственное должно быть общеизвестным и быть каким-то образом интегрировано в фонд знаний о мире говорящего как прототипический представитель какого-то множества. Возьмём в качестве примера контексты из Татарского национального корпуса [6], содержащие топоним *Париж* с аффиксом множественного числа (для краткости полное глоссирование опускаем).

(14) *Чөнки Мәскәү тиеш иде Парижларга* (Париж–PL, DIR) *сер бирмәскә* (Р.Харис). Но Москва не должна была уступить Парижу <и другим подобным городам>.

Топонимы с аффиксом множественного числа часто встречаются в составе однородных конструкций разного типа:

(15) *Уртак Ватан очен Парижларны* (Париж–PL, ACC), *Берлиннарны* (Берлин–PL, ACC) *алмадылармы?* (Р.Файзуллин). Разве для Отечества, общего для всех, не взяли Париж <и другие подобные города>, Берлин <и другие подобные города>?

Способ референции, выбранный говорящим в (15) позволяет ему в пределах контекста обозначать, а адресату адекватно декодировать класс, включающий иностранные города, взятые или освобождённые российскими войсками.

(16) *Мин илһамны инде Парижлардан* (Париж–PL, ABL), *Йолдызлардан да бик эзләмим* (Р. Миннуллин). Я не ищу уже вдохновения в Париже <и подобных городах>, в звёздах.

Аналогично редуцированный способ референции с опорой на существительное *Париж* и аффикс множественного числа в (16) позволяет в пределах контекста обозначать класс, включающий места, способные дать поэтическое вдохновение.

Подобные контексты легко извлекаются из корпусов татарского языка, но приходится вручную просматривать все примеры, которые выдаёт поисковая система корпус-менеджера, так как нужно исключить 3 осложняющих фактора:

- 1) омонимию имён нарицательных и собственных (например, *Казан* 1) котел, 2) Казань);
- 2) омонимию, встречающуюся в разговорной речи, обусловленную переносом топонима на людей, живущих в названном месте (например, *Маскәүләр* 1) Москва–PL, 2) москвичи);
- 3) экспрессивную множественность (об этом ниже).

В таблице 1 представлены количественные данные о частотности форм ассоциативной множественности некоторых топонимов – названий городов и государств – в Татарском национальном корпусе [6]. В колонке 3 указано не общее количество примеров в форме множественного числа, а только количество примеров, которые могут быть интерпретированы как примеры ас-

социативной множественности (примеры рассмотрены в ручную).

Как показывают данные таблицы, контекстов с топонимами в форме ассоциативной множественности относительно немного, что, впрочем, легко объясняется тем, что корпус фиксирует письменные тексты, а для них подобные средства нехарактерны.

2.2 Референты – части тела

Рассмотрим далее примеры со словами, называющими части тела, имеющимися у каждого человека в единичном экземпляре – такими, как нос, рот, голова, шея, сердце и т.п. Для того, чтобы отсеять формы аддитивной множественности, рассмотрим только формы типа N+PL+POSS_1SG, которых не должны быть логически, поскольку у человека названных частей тела не бывает несколько. Тем не менее, соответствующие запросы к корпусу показывают, что подобные словоформы достаточно частотны даже в письменных текстах (см. Таблицу 2). Именно эти формы могут стать кандидатами на ассоциативную множественность.

Возникает вопрос: на что в этом случае указывает аффикс множественного числа, поскольку он в примерах подобного типа не может указывать на простую аддитивность и нужны другие интерпретации. Мы считаем, что в подобных случаях осуществляется референция к классу, формируемому по смежности (примеры 17–19):

(17) *Өшеп бетте авызларым, Туңып бетте бармагым* (Г. Гильманов).

Замерзнуть–CONV кончать–PST_DF рот–PL, POSS_1SG замерзнуть–CONV кончать–PST_DF палец–POSS_1

У меня замёрз рот <и прилегающие части тела>, замёрзли пальцы.

(18) *Минем авызларым турсайды* (К. Миннебаев).

Я–POSS_1 рот–PL, POSS_1SG надуться–PST_DF

Я надул губы.

Таблица 1. Частотность форм ассоциативной множественности по корпусным данным

Имя собственное	Общее количество в корпусе (по лемме)	Количество форм ассоциативной множественности
Париж	3 182	31
Лондон	2 938	4
Петербург	12 256	2
Берлин	4 090	3
Франция	6 270	-
Америка	15 981	3
Англия	2 114	2

Таблица 2. Количество форм существительных – соматизмов, с аффиксами множественного числа и принадлежности 1-му лицу единственного числа (корпусные данные)

Лемма	Перевод	Количество в корпусе форм		
		N+ POSS_1	N+PL+POSS_1	N+PL+POSS_1 + другие аффиксы
баш	голова	2 882	35	67
муен	шея	25	1	3
арка	спина	61	4	8
борын	нос	40	1	3
танау	нос	6	1	1
йөрәк	сердце	6 829	28	35
авыз	рот	96	2	4

Можно предполагать, что словоформа авызларым обозначает рот и прилегающие части лица.

(19) *Аларны кирәксенмәгәндәй итенеп, борыннарарымны жыраам* (Р. Рахман).

Они–ACC не считая нужным–SIM делать–REFL, CONV нос–PL, POSS_1SG, ACC морщить–PRES, 1SG

Показывая пренебрежение к ним, сморщил нос.

Здесь нужна существенная оговорка: во многих случаях примеры с соматизмами могут быть интерпретированы одновременно как *экспрессивная множественность* [1, с. 42], когда аффикс -лар/ -ләр выражает интенсивность, особое эмоциональное отношение и т.п. См. примеры (20–21):

(20) *Башиларым әйләнен китте* (А. Хасанов).

Голова–PL, POSS_1SG кружиться–CONV пойти–PST_DF

У меня закружилась голова.

(21) *Йөрәкләрем бәтенләй сикерә* (Г. Камал).

Сердце–PL, POSS_1SG совсем прыгать–PRES

Сердце совсем скачет.

Многие примеры, в том числе и примеры, приведённые выше, не могут быть интерпретированы однозначно как тот или иной тип множественности.

Так, возвращаясь к примеру (18), можно строить различные предположения:

1) случай стандартной аддитивной множественности, если слово авыз ‘рот’ метонимически интерпретировать как ‘губы’;

2) случай ассоциативной множественности, когда *авыз*–PL может быть интерпретировано как ‘рот и прилегающая часть лица’;

3) случай экспрессивной множественности, когда логически невозможная словоформа ‘*рот*’

+ PL + POSS_1SG выражает особое эмоциональное отношение говорящего.

Кроме того, можно отметить, что все татарские ассоциативные формы не являются стилистически нейтральными, обладая особой экспрессивностью, они могут быть использованы только при неофициальном общении при условии личного знакомства коммуникантов, это феномен разговорной речи (или при имитации неофициальности общения в художественных или публицистических текстах). Таким образом, разные формы множественного числа образуют континуум, допуская одновременно различные интерпретации. Можно даже говорить о том, что в татарском языке ассоциативная множественность не бывает стилистически нейтральной, и экспрессивность у ассоциативных форм проявляется самым разным образом.

Заключение

В татарском языке для обозначения ассоциативной множественности используется стандартный маркер аддитивной множественности – аффикс -лар/ ләр. Использование периферийных форм множественного числа приводит к тому, что для татарского языка значительно ограничиваются классы слов, от которых невозможно образовать формы множественного числа.

Ассоциативная множественность – коммуникативный феномен для обозначения открытых классов, включающих эксплицитно представленного прототипического (фокусного) представителя и подразумеваемых, но не называемых представителей, при этом предполагается, что фоновых знаний адресата достаточно для адекватной референции. Референты ассоциативной множественности образуют множество, состоящее из членов, имеющих концептуальную или смежную общность. Неэксплицитированные референты «прочитываются» из контекста с

разной степенью обобщения и опираются на фонд знаний говорящих о мире, имеющийся у коммуникантов.

Важным ограничением для образования ассоциативной множественности являются условия коммуникации – неофициальная устная речь при сопоставимом статусе и личном знакомстве коммуникантов, наличие общего фонда знаний, который позволяет правильно декодировать неэксплицитно выраженных референтов.

Феномен ассоциативной множественности в татарском языке проявляется на уровне различных лексических классов. Ассоциативная интерпретация зачастую не исключает

другие типы интерпретации множественного числа.

Семантические ограничения на образование форм со значением ассоциативной множественности требуют дополнительного изучения.

Использованные сокращения

ABL – аблатив, ACC – аккумулятив, CONV – конверб, DIR – директив, INF – инфинитив, IMP – императив, N – существительное, PL – множественное число, POSS – притяжательность, PRES – настоящее время, PST_DF – прошедшее категорическое, PST_IND – прошедшее некатегорическое, SG – единственное число.

Список литературы

1. Галиева А.М., Невзорова О.А. Лингвистическая сложность категории числа в татарском языке: постановка проблемы // Филология и культура. 2016, № 2 (44). С. 38–45.
2. Герасимова Е.С. Категория множественности в функциональных стилях якутского языка. Автореф. дисс... канд. фил. наук. Якутск, 2012. 24 с.
3. Даниэль М.А. Типология ассоциативной множественности. Дисс. канд. фил. наук. М., 2000. 195 с.
4. Минлос Ф.Р. Неточная редупликация как средство выражения значения репрезентативной множественности. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/minlos/> (Дата доступа: 5 февраля 2018 г.).
5. Татарская грамматика. В 3-х томах. Том II. Морфология. Казань: Татарское книжное изд-во, 1993. 397 с.
6. Татарский национальный корпус “Туган тел” [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tugantel.tatar/> (Дата доступа: 5 февраля 2018 г.).
7. Жамалетдинов Р.Р. Татар һәм рус телләренең чагыштырма грамматикасы: Дәрәслек-кулланма. Казан: Казан университеты нәшрияты, 2004. 144 б.
8. Moravcsik, Edith A. A Semantic Analysis of Associative Plurals. *Studies in Language*, 2003. № 27. С. 469–503.
9. Michael Daniel, Edith Moravcsik. 2013. The Associative Plural. // Dryer, Matthew S., Haspelmath, Martin (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://wals.info/chapter/36> (Дата доступа: 5 февраля 2018 г.).

Сведения об авторах:

Галиева Альфия Макаримовна – кандидат философских наук, Академия наук Республики Татарстан.
E-mail: amgalieva@gmail.com.

Замалетдинов Радиф Рифкатович – доктор филологических наук, профессор, Казанский федеральный университет. E-mail: director.ifmk@gmail.com.

ASSOCIATIVE PLURAL IN TATAR: COMMUNICATION FACTORS AND LEXICAL CLASSES

A. M. Galieva, R.R. Zamaletdinov

Tatarstan Academy of Sciences, 420111, 20 Bauman str., Kazan, Russia
Kazan Federal University, 420021, 2 Tatarstan str., Kazan, Russia

The Abstract: *Associative Plural is the communicative and grammatical mechanism to designate open classes of objects naming explicitly given prototypical (focal) representative and not named but alluded members. Referents of the Associative Plural form a set of members having conceptually or adjacently*

common features. Inexplicit referents are decoded by means of context or situation of communication and rely upon the knowledge about the external world of the speaker and the hearer.

Phenomenon of the Associative Plural is well described from the typological perspective; nevertheless it remains insufficiently studied on the data of particular languages. Researchers say that Associative Plural is observed on material of two basic lexical classes – personal names and terms of kinship. In Tatar prototypical manifestations of the Associative Plural are well fit in the canvas proposed by the typologists, nevertheless empirical data, including corpus evidences, show that the phenomenon is not limited by the mentioned lexical classes and it may be found in a much broader lexical material.

We pay special attention to the factors of communication – unofficial oral speech, comparable social status of the communicants, and shared knowledge of the external words, which enables to adequately decode inexplicit referents.

We consider different lexical classes that allow the forms of the Associative Plural, and pay special attention to toponyms and names of body parts. We conclude also that different forms of Plural in Tatar have no clear boundaries and often the context does not allow to make an unambiguous conclusion what type of the Plural is used – the additive, the associative or the expressive one.

This study is based on semantic and contextual analysis of lexical items supplied with some information on statistical distribution of related phenomena in Tatar corpus.

Key Words: *Associative Plural, Additive Plural, the Tatar language, terms of kinship, personal names, toponyms, part of body terms.*

References

- Galieva A.M., Nevzorova O.A. Lingvisticheskaja slozhnost' kategorii chisla v tatarskom jazyke: postanovka problem [Linguistic Complexity of Plural in Tatar]. *Filologija i kul'tura* [Philology and culture], 2016, no. 2 (44). p. 38–45.
- Gerasimova E.S. Kategorija mnozhestvennosti v funkcional'nykh stiljakh jakutskogo jazyka: Avtoreferat. *Kand. filol. nauk.* [The category of Plural in functional styles of the Yakut language: Authors abstract. Cand. Diss., Philology]. Jakutsk, 2012. 24 p.
- Daniel' M. A. (2000) Tipologija assotsiativnoi mnozhestvennosti. *Kand. filol. nauk.* [Typology of the associative plural. Cand. Diss., Philology] Moscow. 2000. 195 p.
- Minlos F. R. Netochnaja reduplikatsija kak sredstvo vyrazhenija znachenija reprezentativnoj mnozhestvennosti [Inexact reduplication expressing representative plural]. Available at: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/minlos/> (accessed 5 February 2018).
- Tatarskaja grammatika. V 3-kh tomakh. Tom II. Morfologija. [Tatar Grammar. In 3 volumes. V. 2]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 1993. 397 p.
- “Tugan Tel” Tatar National Corpus”. Available at: <http://tugantel.tatar/> (accessed 5 February 2018).
- Zamaletdinov R.R. Tatar häm rus tellärenen çagıştırma grammatikası: Däreslek-kullanma [The Tatar and Russian comparative Grammar. Handbook]. Kazan: Kazan universiteti näşriyatı, 2004. 144 p.
- Moravcsik, Edith A. A Semantic Analysis of Associative Plurals. *Studies in Language*. 2003. No 27. p. 469–503.
- Michael Daniel, Edith Moravcsik. The Associative Plural. // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.): *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/36> (accessed 5 February 2018).

About the authors:

Galieva Alfiya Makarimovna – Ph.D. in Philosophy, Tatarstan Academy of Sciences. E-mail: amgalieva@gmail.com.

Zamaletdinov Radif Rifkatovich – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University.

E-mail: director.ifmk@gmail.com.

* * *